

РОССИЯ И ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ГОД ВМЕСТЕ



ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Георгий Георгиевич Петров

– Георгий Георгиевич, когда вопрос о присоединении России к ВТО должен был решиться окончательно, вокруг этой темы запыльхали нешуточные дискуссии. Сейчас, спустя немногим более года после того, как исторический документ был, наконец, подписан, страсти заметно улеглись и авторы противоречивых прогнозов на время замолчали. В чем причина?

– Эксперты, специалисты, те, кто непосредственно вел переговоры, с самого начала говорили, что на следующее утро после того, как президент подпишет закон о ратификации протокола о присоединении России к Всемирной торговой организации, еще ничего не изменится. И не изменится по целому ряду причин. Естественно, наши обязательства предусматривают длительный адаптационный период, в ходе которого произойдет снижение уровня тарифной защиты. А этот уровень, особенно по чувствительным для российской экономики товарам, таков, что переходный период достиг 7 лет. Это прописано в протоколе о присоединении России к ВТО. В соответствии с условиями присоединения некоторые сферы регулирования частично или полностью выведены из-под правил ВТО с учетом конкурентоспособности каждого сектора российской экономики: наши обязательства в области тарифов, то, что называется доступом товаров на рынок, наши обязательства в области доступа услуг на рынок. Кроме того, для нас были сделаны очень большие исключения, например, в части обязательств по инвестиционным программам в автомобильной промышленности. Это абсолютно беспрецедентный случай, поскольку сами по себе условия промышленной сборки автомобилей конечно же находятся в полном противоречии с буквой и духом Всемирной торговой организации. Поскольку для отдельных поставщиков установлен, по существу, беспошлинный режим ввоза тех комплектующих, которые идут для промышленной сборки, а другие поставщики, которые не участвуют в этих инвестсоглашениях, такими льготами не пользуются.

– *Что же должно произойти сейчас?*

– С автопромом ничего не произойдет. Пока действует инвестиционное соглашение, этот режим сохраняется, на прежних условиях собираются автомобили на российских заводах «Форда», «Фольксвагена», «Тойоты», «Ниссана», работают автомобильные кластеры, образовавшиеся под Санкт-Петербургом, в Калужской области.

– *По сути, эти меры защищают в первую очередь интересы международных компаний.*

– Да, но это и защита рабочих мест. Это и защита налоговых поступлений, и освоение нашим автопромом современных технологий производства. Но самое главное – эти инвестиционные соглашения, помимо льгот, предусматривали серьезные обязательства по постепенному увеличению степени локализации. Это значит, что у нас в России появится абсолютно новая отрасль, которой никогда не было, – производство автокомпонентов. А иначе эти льготы не будут применяться. Вы знаете, что в Советском Союзе практически все основные автоагрегаты делались на одном предприятии, может быть, за исключением резинотехнических изделий, стекла, электрооборудования, и потом поступали в сборочный цех. Мировой автопром работает на абсолютно других принципах. Если, например, лучшие в мире амортизаторы производит какой-то уникальный поставщик, значит, они идут и для роллс-ройса, и для автомобиля существенно ниже классом. Последний пример: в Калужской области появилось новое предприятие по производству автомобильного стекла с объемом прямых инвестиций 200 млн долларов. Почему Калужская область? Потому что здесь уже действует автомобильный кластер, налажена автосборка. И число таких проектов – реализованных или находящихся в процессе реализации – возрастает. Поэтому можно сказать, что наше присоединение к Всемирной торговой организации подстегивает и иностранные компании.

– *Здесь налицо определенный паритет интересов.*

– Иначе для России никто бы не сделал исключений.

– *В числе выгод, которые Россия должна была приобрести от присоединения к ВТО, в первую очередь называлась отмена квот на ввоз определенных российских товаров в разные страны мира. Экономический эффект от этой отмены уже возник или это процесс длительный?*

– Действительно, соглашения по стали и по текстилю, которые устанавливали количественные ограничения для российского экспорта, противоречат нормам и правилам ВТО и применялись для нас именно в силу того, что мы были за пределами этой организации. Они уже отменены и со стороны Соединенных Штатов, и со стороны Евросоюза. Но здесь накладываются и другие факторы. Понимаете, сегодня у нас в некоторой степени фетишизируется значение таможенной пошлины как инструмента защиты. Что произошло со сталью? Да, нет больше квот. Но рецессия, наступившая в глобальной экономике, затронула и Россию, а в наибольшей степени как раз отразилась на производителях стальной продукции, поскольку упали объемы строительства, сократился выпуск автомобилей. И оказалось, что столько стальной продукции мировому рынку не нужно, можно отменять квоты, а покупать больше не будут. Во внешней торговле действует очень много факторов. Нельзя говорить о том, что только таможенные пошлины и их увеличение-снижение могут защитить отечественного производителя, это далеко не так. Сегодня так называемые технические барьеры – требования систем сертификации, технических стандартов и т.д., особенно в отношении сложной продукции, – являются куда большим препятствием, чем таможенная пошлина.

– *Кстати, как обстоят дела с гармонизацией наших нормативных актов в той части, которая касается сертификации отдельных видов продукции? До присоединения было много разговоров о том, что нужно привести в соответствие с нормами ВТО наше законодательство, касающееся ветеринарного, фитосанитарного контроля.*

– Это очень хороший вопрос, и вот почему. Действительно, переговоры о присоединении к ВТО велись 18 лет, это абсолютный рекорд. Ни одна страна-кандидат таким терпением не обладала, и надо отдать должное терпению наших партнеров, потому что для танго нужны двое. Задолго до присоединения к ВТО наше законодательство в основном уже приводилось в соответствие принципам и нормам этой организации. После того как мы присоединились, в нем мало что осталось подрихтовать. Именно не исправить, а подрихтовать. И в том числе как раз фито-



санитарные нормы – такая очень чувствительная тема. К счастью наших потребителей, в России требования и нормы выше, чем в большинстве других стран. Мы защищаем здоровье населения, и, кстати говоря, ВТО это не запрещает.

– *То есть наши производители оказываются в более выигрышном положении?*

– Тут самое главное другое – мы не можем устанавливать более высокие требования к зарубежным поставщикам, чем к нашим национальным. Поэтому, если наши национальные товаропроизводители в состоянии отвечать этим высоким нормам, мы вправе предъявлять такие же требования ко всем иностранным поставщикам. Эта особенность ВТО называется национальным режимом. Но ни в коем случае нельзя своим создавать более льготные условия, чем зарубежным поставщикам, в отношении норм, стандартов, всякого рода технических требований и т.д.

– *На самом высоком уровне неоднократно поднимался вопрос о необходимости стимулирования развития высокотехнологичных производств в России. Остались ли какие-то еще ниши, перспективные для отечественных производителей, или нашим технологиям в рамках ВТО не дадут пробиться?*

– У ряда отраслей российской промышленности очень сильные позиции, это, например, всё, что связано с электроэнергетикой. Здесь мы вполне конкурентоспособны.

– *Я думаю, тут еще можно назвать оборонные технологии?*

– Вы знаете, ВТО этот сектор не регулирует. Но есть другая проблема: многие виды продукции относятся к товарам двойного назначения, которые можно использовать и в военных целях и в гражданских. И здесь надо сказать, что наша система так называемого экспортного контроля достаточно бюрократизирована и настолько жесткая, что у многих предприятий есть трудности в поставках востребованной продукции на внешние рынки.

– *Чем тут можно помочь?*

– Нужно перенимать лучший опыт, который применяется в других странах, именно в части регулирования. Контроль нужно сохранять, это понятно, у нас есть и международные обязательства на этот счет. Но есть потрясающие примеры негибкости системы, допустим, в отношении радиоэлектроники. Она как раз применяется и в военных и в гражданских целях. А вот попробуйте получить разрешение на доставку каких-нибудь радиолокаторов за рубеж! Уверяю вас, придется пройти столько инстанций, что может возникнуть вопрос, стоит ли заниматься экспортом. Хотя, может быть, эти локаторы будут установлены в гражданском аэропорту для управления воздушным движением. Эта проблема существует, и правительство сейчас обращает внимание на эти вопросы, но здесь нужно найти оптимальный баланс. Чтобы и контроль сохранялся, и бизнесу было комфортно работать.

– *Какие еще российские отрасли обладают потенциалом для того, чтобы занять определенные ниши, встроиться в цепочки в международном разделении труда?*

– В целом картина, конечно, грустная. Если посмотреть на уровне макроэкономики, то на сегодняшний день экспорт машин и оборудования занимает всего лишь 5% в общем объеме российского экспорта.

– *Эта ситуация как-то менялась за последние годы?*

– Джордж Шульц, бывший госсекретарь США, сказал как-то одну замечательную фразу: «Внешняя торговля – это не электрический выключатель: нажал на кнопку – и есть свет, нажал снова – и свет погас». Так не бывает, это целые потоки. Если говорить об экспорте, надо сравнивать показатели теперешние и советского периода. У нас тогда на экспорт машин и оборудования приходилось 25% с учетом стран Совета экономической взаимопомощи. Конечно, в 1990-е годы мы потеряли многие рынки и в Азии и в Африке, где позиции Советского Союза были достаточно сильны. Ну о чем мы говорим, когда со всей Африкой к югу от Сахары торговый оборот составляет менее 3 млрд долларов! У Евросоюза больше 100 млрд, Китай уже обогнал Евросоюз – там под 200 млрд. Утрата наших позиций в экспорте машин и оборудования отражает общую картину в машиностроении: мы потеряли авиапром, судостроение, у нас не стало станкостроения, практически перестала работать подшипниковая промышленность, и этот список, к сожалению, можно продолжить. Но значит ли это, что у нас ничего другого нет? Отнюдь. Как мне представляется, именно здесь надо говорить не об отраслевом разрезе, а о необходимости встраиваться вот в эти производственные



цепочки. Сейчас по этому пути идут очень многие страны. Когда вы приезжаете на любой завод в Европе, который производит неважно что – автомобиль, самолет, автокран, – вы видите только сборочный конвейер. Всё остальное – это огромное количество субпоставщиков по всему миру, у каждого из которых берется лучшее. И ничего зазорного в этом нет: есть производство, есть рабочие места, есть налоги. Это живая, работающая экономика.

– А у нас есть какие-то хотя бы единичные примеры таких специализированных производств?

– Мы восстанавливаем отечественное авиастроение, есть перспективные разработки, они более обещающие, скажем так. И уже чувствуется, что есть интерес к этим машинам на мировом рынке, причем еще до того, как самолет поднимается в небо. Но, конечно, придется предпринимать больше усилий для продвижения этой продукции на внешний рынок. Я убежден, что у нас есть все предпосылки вернуть свои позиции в судостроении, и не только для внутренних потребностей. Много для этого делается, в конце концов, мы – морская держава, мы обязаны иметь эту отрасль. Я думаю, по отдельным видам станочного оборудования – без этого невозможно говорить о машиностроении в целом – мы вернем все позиции, начиная с внутреннего рынка, а со временем и на экспортном рынке.

– Какие меры по защите отечественного товаропроизводителя применяются благодаря инструментарию ВТО после того, как мы открыли рынки?

– Наши производители комбайнов обеспокоены существенным снижением таможенной пошлины на эту продукцию. Поскольку было доказано, что некоторые производители позволяют себе поставлять комбайны в Россию по демпинговым ценам, Евразийская экономическая комиссия провела расследование и установила антидемпинговую пошлину, тем самым этот рынок мы защитили. В результате еще одного антидемпингового разбирательства была установлена антидемпинговая пошлина на ввоз легких коммерческих автомобилей, потому что действительно есть факты, подтверждающие, что нанесен материальный ущерб. Другой пример – утилизационный сбор на автомобили. Его введение совпало с присоединением России к ВТО, когда таможенные пошлины для иностранных поставщиков должны были поэтапно снизиться с 35 до 15%. И тут вводится утилизационный сбор, который для иностранных поставщиков применяется автоматически, а отечественные производители, которые взяли на себя обязательство по последующей утилизации собственной продукции, были освобождены от уплаты сбора. Теперь эта ситуация может стать первым предметом торговых споров с участием России. Собственно говоря, механизм разрешения торговых споров – один из столпов ВТО. Это очень сложная юридическая процедура. Но благодаря этому механизму ВТО сегодня и существует, потому что иных цивилизованных мер регулирования международной торговли не существует.

– Давайте повернем немного в другую плоскость. Какое универсальное преимущество получили российские предприниматели благодаря ВТО?

– Это транспарентность и предсказуемость нашего законодательного регулирования. Опубликовать постановление правительства, которое вступает в силу с завтрашнего числа и сказать: «Будет вот так!» уже невозможно. Органы власти заранее должны проинформировать всех о том, что подготовлен определенный текст, бизнес должен высказать свое отношение к нему, и, если это затрагивает интересы наших зарубежных внешнеторговых партнеров, нормативный акт необходимо направить в Секретариат ВТО в Женеву. Если там найдут что-то, противоречащее нормам и правилам ВТО, могут высказать очень серьезные возражения. Сейчас каких-то сюрпризов от нашего правительства можно не ожидать. Вот это, пожалуй, самое главное, что должен почувствовать наш бизнес. Но этим он должен уметь пользоваться. У нас работает Открытое правительство, все проекты документов выкладываются на сайтах – смотрите, высказывайте свои соображения, замечания, предложения, потому что вы знаете предмет своей деятельности изнутри. Часто получается так, что нормативные акты формулируют государственные служащие, чьи представления могут отличаться от реальной жизни.

Для эффективного диалога с властью бизнес должен объединиться. У нас уже сложилась «большая четверка»: Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловая Россия», «ОПОРА РОССИИ», Торгово-промышленная палата РФ. Все мы очень активно участвуем в оценке регулирующего воздействия нормативно-правовых актов, формируем экспертное сообщество. Вот здесь роль Торгово-промышленной палаты уникальна. У нас есть 34 комитета, созданных в основ-



ном по отраслевому принципу. В задачи этих комитетов входит оценка законодательных предложений: не станет ли очередной акт новым административным барьером, не увеличит ли финансовую нагрузку. Иногда вроде бы хорошая мера усложняет сам процесс. Нам очень важно этого избежать, потому что правительство готово к такому диалогу. Но надо, чтобы и другая сторона – бизнес – активно в него включалась.

– *Бизнес пока недостаточно активно включен?*

– На мой взгляд, далеко не все.

– *Срабатывает инерция, заведомое ожидание, что всё равно не выслушают?*

– Да, «всё равно меня никто не услышит», это раз. К тому же, на мой взгляд, у нас очень неудачный закон о саморегулируемых организациях. Он был сделан без учета замечаний Торгово-промышленной палаты РФ и практически не работает. А ведь это важнейшая, пожалуй, новелла в законодательстве. Потому что в любой развитой стране отраслевые союзы и ассоциации играют огромную роль. Все, кто производит молоко, – члены союза производителей молока, все, кто производит станки, – члены союза по производству станков. Их никто не загоняет в эти ассоциации. Членство в союзах необходимо потому, что союз формулирует консолидированную точку зрения, ведь правительство не может выяснять у каждой молочной фермы, что ее не устраивает. И, кстати говоря, для урегулирования споров в рамках ВТО это тоже очень важно, потому что, чтобы начать, например, антидемпинговое разбирательство, о котором мы с вами говорили, должна выступить половина производителей продукции, интересы которых затронуты.

Поэтому неслучайно сейчас правительство приняло меры по адаптации российской экономики к условиям ВТО и постоянно работает над ними. Эти вопросы всегда на контроле у первого вице-премьера Игоря Ивановича Шувалова и министра экономического развития Алексея Валентиновича Улюкаева. Объединение предпринимателей, в том числе Торгово-промышленная палата, участвует в этой работе. Идет поиск решений, что можно сделать, не нарушая при этом основные принципы, нормы и правила Всемирной торговой организации. Тут надо, конечно, проявлять и фантазию, потому что это миф, что вот есть ВТО и там вот все рынки открыли, без всяких ограничений, всем счастье наступило... Это далеко не так. Но до сих пор никто из ВТО не вышел, просто другого ничего нет. Либо ты участвуешь, либо ты Северная Корея. Потому что есть две экономические модели. Одна – это полная закрытость, опора на собственные силы. Другая – открытая экономика. А мы открыли экономику в 1992 году, задолго до присоединения к ВТО. И законодательство наше привели в соответствие задолго до присоединения. Поэтому мы были абсолютно готовы, я бы сказал, еще в 2006 году. Но, как говорят, звезды легли так, что это произошло только год тому назад.

– *Можно ли ожидать в ближайшее время каких-то серьезных позитивных изменений?*

– Вы знаете, что такое ВТО? Это постоянный переговорный процесс. И нужно уметь, опираясь на весь этот арсенал средств, постоянно вести переговоры с нашими партнерами. То есть нужно освоить очень простое ремесло. Прежде всего большой группе и государственных служащих, и тех представителей бизнеса, которые активно участвуют в международной торговле, следует все-таки найти время и прочитать основные соглашения, ознакомиться с условиями присоединения России. Это нужно сделать обязательно. Но это самое простое, хотя у меня иногда складывается впечатление, что еще не все это сделали. Это первое. Второе: надо понимать, что, несмотря на достаточно комфортные условия, предусматривающие длительные переходные периоды по чувствительным позициям (это и легкая промышленность, и сельское хозяйство, и тот же автомобильный сектор), время идет очень быстро. Я помню, когда международное сообщество разработало новое требование к шумам и выбросам от авиадвигателей, которое должно было вступить в силу в начале 2000-х годов, наши были убеждены: ну, конечно, сделаем. А теперь ни Ту-154, ни Ту-134, ни Ил-62 за границу не пускают, и мы с вами летаем на боингах, аэробусах и т.д. Поэтому надо уже сейчас думать о том, что, когда льготный 7-летний период закончится, условия конкуренции на внутреннем рынке ужесточатся. И, если мы сейчас не будем заниматься повышением производительности труда, модернизацией установленного оборудования, внедрением новых технологий, наши производители не только будут проигрывать на экспортных рынках, но и будут терять позиции на нашем собственном рынке. Это очень серьезный вызов, к нему готовиться надо было вчера. При-



чем информация эта общедоступна. Если вы производите какой-то товар, значит, он имеет 10-значный код. Не поленитесь, загляните на сайт Минэкономразвития. Производитель должен знать, как его продукция классифицируется в мировой торговле. И посмотрите, что будет в ближайшие годы с таможенными пошлинами. Потому что раньше правительство могло таможенную пошлину поднять и опустить произвольно, а теперь она связана: есть максимальный уровень, есть минимальный. Предусмотрен период, когда с этого максимального уровня мы будем понижаться. Всё распланировано по годам, так что на основе этой информации удобно сделать бизнес-план. Но только надо не лениться и узнавать. Кто информирован, тот вооружен – перефразируем латинскую поговорку. А иначе мы будем всё время в проигрыше.

– А какой комплекс мер предусмотрен по наиболее чувствительным отраслям, в частности по сельскому хозяйству, где без поддержки государства так и не произойдет никакая модернизация?

– Соглашение по сельскому хозяйству прежде всего регулирует предоставление сельскохозяйственных субсидий. Под это понятие попадают меры, которые направлены на поддержку сельского хозяйства, на развитие села в целом. При этом налоговые льготы по правилам ВТО не рассматриваются как субсидии. Меры поддержки делятся на два основных блока: первый – это внутренняя поддержка, второй – экспортные субсидии. Внутренняя поддержка делится на три так называемые корзины: красную, желтую (янтарную – их по-разному называют) и зеленую. Есть запрещенные виды поддержки: прямая поддержка, прямое субсидирование, особенно экспортное. Это запрещено и на внутреннем рынке. Что разрешено? Вы можете инвестировать без всяких ограничений в инфраструктуру, в НИОКР, в энергосбережение и повышение энергоэффективности. Что касается сельского хозяйства, то для ВТО это «священная корова». Здесь России удалось выторговать особые условия присоединения, так называемые меры внутренней поддержки, предусматривающие прямую поддержку сельхозпроизводителям. Эти цифры фиксируются в абсолютном выражении в перечнях обязательств каждой страны, на основе реальной поддержки за какой-то репрезентативный период – обычно это 3 года, которые предшествуют моменту присоединения. В результате долгих и трудных переговоров нам удалось удвоить эту цифру.

– Сегодня мы говорили о первых намечившихся сдвигах, которые начинают затрагивать экономику России после присоединения к ВТО. Когда ждать первых по-настоящему ощутимых результатов?

– Лет через 5–7 можно провести серьезный анализ и сказать: это мы сделали ненасправно, вот здесь есть прогресс, а вот там, наоборот, не всё гладко. Возможны и отдельные негативные последствия, если вовремя не принимать меры. Я не верю оптимистическим прогнозам, которые делал Всемирный банк, что рост ВВП у нас составит 7%, а инвестиции вырастут на 17, но и не разделяю апокалипсических оценок, предвещающих российской экономике крах в результате присоединения к ВТО. Очевидно, что выгоды и потери могут проявиться только в среднесрочной перспективе. Такая большая серьезная мера не может сказаться одномоментно.

В целом же, на мой взгляд, активное обсуждение нашего присоединения к ВТО незаслуженно отодвинуло на второй план другую важную тему – Таможенный союз и Единое экономическое пространство. Между тем их воздействие на внутреннюю экономику России «посильнее «Фауста» Гёте».

– Надеюсь, эти беспрецедентные экономические проекты станут темой нашего следующего разговора.